

ISTORIYA. 2013-2020

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

All right reserved

Issue 10 (43) Volume 6 - Russia and Britain: Cultural Interactions in the 20th Century. 2015

Soviet-British Intellectual and Cultural Interactions During the “Cultural Détente”: the End of 1950s — Beginning of 1960s

M. Lipkin

Abstract

For the first time on the basis of unknown documents from private archives, among them — unique illustrations, author's oral interviews and documents from the fund of the Union of the Soviet Societies of Friendship (SSOD) the author attempts to reconstruct the atmosphere of Soviet-British cultural rapprochement and mutual interest during the “thaw” period in the USSR. One analyzes the phenomenon of public diplomacy in case of private and collective initiatives from the British side as well as activities of various “societies of friendship”. A special thrust is made on analysis of oral evidences of the interviewed participants of the 2 weeks bus trip to the European part of the USSR in 1960 by the members of the Pushkin Club. The author comes to a conclusion that opening of the “iron curtain” by Nikita Khrushchev resulted in appearance of a whole generation of cultural “tourists” — the intermediaries of Russian culture — those who later accumulated the interest towards USSR and were able to judge about Soviet Russia on the basis of their personal experience. Despite of all difficulties of such contacts in the era of the Cold War and the obvious by-products of the Soviet System of communication with foreigners, the image of USSR and Soviet People gained much more than lost from the rise of personal and collective contacts during the Khrushchev period.

Keywords list (en): transnational history, cultural diplomacy, public diplomacy, Society of friendship, interactions, Cold War, UK, USSR, Britain, Russia, tourism, Pushkin Club, Macmillan, Khrushchev, Bulganin

Publication date: 25.12.2015

Источник финансирования:

Статья подготовлена по итогам исследований, проведенных в рамках гранта РГНФ № 09-01-00290a/P

Citation link:

Lipkin M. Soviet-British Intellectual and Cultural Interactions During the “Cultural Détente”: the End of 1950s — Beginning of 1960s // ISTORIYA. 2015. V. 6. Issue 10 (43) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840001328-9-1/> (circulation date: 04.12.2020).

1 *«Дорогие друзья! Привет от английской подруги! Мне кажется, что мы право товарищи, потому что я сама принадлежу к английскому Обществу для дружбы с Советским Союзом, тоже к Обществу для культурной связи с Советским Союзом. ... Работа наших обществ состоит в том, что мы стараемся помочь русские артисты и туристы во время их пребывания в Англии — помочь их встретить кто-нибудь и посетить где-нибудь, что они хотят — в общем, сделать все в наших силах исполнять все их желания. ...За эту важную работу у меня большой энтузиазм».*

Из письма Джойс Пауэл Обществу СССР—Великобритания, 01.03.1959 г.¹

2 Настоящая статья основывается на результатах более чем двухлетней работы в российских и британских архивах, а также на серии устных интервью, взятых у британских участников культурных и туристических обменов с Советским Союзом на рубеже 1950—1960-х гг. Задачей работы является анализ и оценка тех шедших «снизу» инициатив, включая неправительственные и неофициальные контакты, появившиеся в 1956—1963 гг. (этот период можно назвать настоящим «бабьим летом» в англо-советских отношениях), которые долгое время оставались за кадром идеологического и военного противостояния времен холодной войны. Главной задачей станет изучение «публичной дипломатии», личных контактов представителей британской и советской интеллигенции в период «ранней разрядки» — части транснациональной истории «холодной войны». При этом в качестве одной из смежных проблем будет рассмотрена взаимосвязь между «высокой политикой» и негосударственной «общественной дипломатией».

3 Проблематика различных культурных и общественных взаимодействий (interactions) периода холодной войны активно разрабатывается в западной историографии в 2000-е гг.² В России определенную популярность получила тема взаимных образов и представлений в кино, литературе, прессе и т. д., однако исследование роли личных контактов, деятельности общественных организаций, научного и культурного обмена во второй половине XX в. еще не получила должного освещения, несмотря на публикацию переводов воспоминаний некоторых представителей британских общественных организаций³. В настоящей статье не только избран именно такой ракурс исследования, но и привлечены ранее не публиковавшиеся свидетельства очевидцев и активных участников британско-советских контактов этого времени, подкрепляемые материалами фонда Союза советских обществ дружбы (ССОД) в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ), данными архива Пушкинского клуба в Лондоне и личных архивов Джона Корселлиса и Джона Игниса, а также серией устных интервью с более широким кругом участников британско-советских культурных и образовательных обменов рассматриваемого периода.

4 Наиболее заметными и финансово обеспеченными организациями в Великобритании, пользовавшимися правительственной поддержкой и практически монополизировавшими культурные и общественные контакты между двумя странами к концу 1960-х гг., были три «общества дружбы», каждое из которых отличалось той или иной степенью ангажированности. Первые два представляли собой просоветские «Общество дружбы с Советским Союзом» и «Общество культурных связей СССР—Великобритания»⁴; третьим — пробританским — была Ассоциация «Великобритания—СССР». Тем не менее, основное внимание в данном исследовании будет сосредоточено не на этих организациях, а на иных каналах культурного

взаимодействия двух стран: на менее официальных и более личных объединениях, олицетворявших в чем-то наивные инициативы, которые шли «снизу». Они рождались и умирали, сменяли друг друга, но продолжали существовать на волне того искреннего интереса к Советскому Союзу, который охватил британское общество в конце 1950-х гг.

5 В данной статье речь пойдет, прежде всего, о «Пушкинском клубе»⁵ — уникальной независимой культурной организации, основанной русскими эмигрантскими кругами в Британии, которой удавалось сохранять положение «над схваткой» в период идеологической борьбы двух систем. По сути, своим статусом и той ролью, которую Пушкинский клуб сыграл в истории советско-британских отношений, эта организация обязана подвижническому труду ее основательницы, эмигрантки из России Марии Кульман⁶. Другой организацией, оказавшей значительное влияние на образовательные и научные обмены между двумя странами, стал Совет по образовательным обменам (Educational Interchange Council), основанный английскими квакерами после Второй мировой войны в целях развития и поощрения контактов в сфере образования, налаживания диалога и недопущения новой войны. Цель состояла в борьбе с невежеством и предрассудками, которые и становятся обычно причиной вооруженных конфликтов. Поначалу Совет развивал программы с ФРГ, способствуя примирению недавних врагов — англичан и немцев. Затем постепенно начались обмены с Чехословакией и в 1956 г. начались первые обмены с СССР (см. приложение). В дальнейшем обмены стали развивать и поддерживать и советские университеты, в первую очередь — МГУ. Благодаря этим обменам многие представители британской профессуры (например, профессор Кембриджского университета Энтони Кросс, профессор Лондонской школы экономики Доминик Ливен и др.) получили возможность поехать на стажировку в СССР и получить языковую практику и крайне важный личный опыт и впечатления, позволившие им в будущем сделать успешную карьеру ведущих специалистов по русской истории и культуре.

6

Женская часть группы Пушкинского клуба в Музее-квартире А. С. Пушкина на набережной Мойки в Ленинграде (Санкт-Петербург). Крайняя справа — Ирина Кириллова. Личный архив Джона Иннеса. 1960 г.

Женская часть группы Пушкинского клуба в Музее-квартире А. С. Пушкина на набережной Мойки в Ленинграде (Санкт-Петербург). Крайняя слева — Ирина Кириллова. Личный архив Джона Иннеса. 1960 г.

8 Примечательно, что, как показали взятые автором настоящей статьи интервью у британских участников «общественной дипломатии» с СССР, поворотным моментом в создании климата «оттепели» в двусторонних личных и общественных отношениях стал не визит премьер-министра Г. Макмиллана в СССР в 1959 г., а первый официальный визит советских лидеров — Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Великобританию в 1956 г.⁷

9 Именно этот визит привел к повороту Совета по образовательным обменам (Educational interchange council) в сторону развития отношений с СССР (как отмечалось выше, до того организация развивала главным образом контакты с ФРГ в рамках идеологии квакеров по налаживанию диалога ради недопущения новой войны) и к активизации деятельности Комитета «Восток—Запад» при Обществе друзей квакеров. Произошло и своеобразное культурное «открытие» для британских зрителей советского театра и эстрады — начались гастролы советских коллективов⁸.

10 Интересно, что в историографии визит оценивается как в целом неудачная инициатива СССР — прорыва в отношениях не последовало, главный козырь Советского Союза — предложение вывести Британию из экономического кризиса за счет многократного увеличения советско-британской торговли, не возымел должного эффекта. Несмотря на последовавшие Венгерский и Суэцкий кризисы 1956 г., на время испортившие официальные отношения, импульс визита 1956 г. не угас⁹. Как показывают письма, хранящиеся в фонде Союза Советских обществ дружбы в ГАРФ (и подтверждают интервью живых свидетелей тех событий), известие о запуске в СССР первого искусственного спутника Земли в 1957 г. и знаменитый визит Г. Макмиллана в 1959 г. в Москву и Ленинград (опять-таки, несмотря на его оценку как политически неудачного) привели к настоящему буму в советско-британских неофициальных, личных контактах. Причем эта волна живого интереса продолжала по инерции существовать еще довольно долго, несмотря на Берлинский, Кубинский и прочие кризисы начала 1960-х гг.

11 Именно в 1957 г., по воспоминаниям Джона Корселиса, на Даунинг-стрит было признано, что преодоление «железного занавеса» соответствует национальным интересам Британии. В частности, это было связано с желанием противодействовать тем стереотипам о британцах, которые существовали в СССР. Например, считалось, что в Советском Союзе якобы бытует мнение о современной Британии как о стране, описанной в книгах Чарльза Диккенса и т. д. В 1959 г. для поощрения развития отношений с СССР была основана Ассоциация «Великобритания—СССР», а в Британском Совете создан Комитет по отношениям с СССР. Сам Джон Корселис, избранный секретарем Ассоциации «Великобритания—СССР» в 1958—1960 гг., по собственному признанию, в какой-то момент разочаровался чрезмерным официозом в обменах, шедших по ее линии (например, в визитах делегаций высокопоставленных советских писателей и т. п.) и вернулся в сферу более личных, тет-а-тет контактов между рядовыми гражданами СССР и Великобритании, шедших по линии Комитета «Восток—Запад» Общества друзей квакеров и Совета по образовательным обменам¹⁰.

12 Среди шести опрошенных автором в 2010 г. британских участников англо-советских контактов конца 1950—1960-х гг. были один англиканский священник, один квакер, одна православная. Трое из них были представительницами второго поколения русских эмигрантов в Британии (дети эмигрировавших в Британию русских). Один из интервьюируемых оказался участником уникальной встречи английских студентов с ленинградскими писателями в 1954 г.¹¹ В процессе интервьюирования выяснилось, что трое являлись участниками Московского международного фестиваля молодежи 1957 г. и среди них трое — участниками автобусной поездки Пушкинского клуба в СССР 1960 г. В дальнейшем трое из шести стали заядлыми туристами, покупавшими путевки «Интуриста» по программе индивидуальных автомобильных путешествий, разрешенных иностранцам в самом конце 1950-х гг. Последних, на самом деле, оказалось значительно больше, причем преимущественно в среде британской профессуры, но взять у них подробные интервью пока не удалось.

13 Безусловно, начавшемуся культурному обмену способствовали стартовавшие официальные визиты, открытие постоянного пароходного сообщения между Ленинградом и Лондоном (благодаря которому, например, студент, а затем врач Ричард Кук смог совершить поездку по СССР на своем собственном автомобиле), а также подписание Соглашения о культурных и научных обменах в ходе визита Г. Макмиллана в 1959 г. Однако реальные контакты начались гораздо раньше и официальные соглашения уже скорее пытались не отстать от наметившейся «моды на СССР», которая, получив первый официальный импульс, обрела собственную логику развития.

14 Так, уже после провала саммита глав великих держав в мае 1960 г. в Париже (ранняя разрядка международной безопасности в Европе, прологом к которой должен был послужить визит Макмиллана в Москву), с разных концов Великобритании посыпались письма и проекты по культурным и образовательным обменам с СССР, предложения «общественной дипломатии» (public diplomacy).

15 «Политики знают о своих ограниченных возможностях», — писал в своем письме в советское «Общество дружбы с Великобританией» учитель словесности и русского языка Иван Буллард, автор проекта «Русской экспедиции 1960» (автобусного путешествия из Кентерберийской школы в СССР)¹². «Сколько бы ни было саммитов между ними, истинный путь к взаимопониманию лежит в личных контактах. Это все, конечно, и так понятно, но если, скажем, британский школьник захотел бы встретиться со своим русским товарищем, кому-то пришлось бы преодолеть около 2 000 миль и преодолеть множество довольно-таки утомительных формальностей и финансовых трудностей», — продолжал рассуждать автор письма. В нем он информировал о существующей договоренности между известной своими

симпатиями к СССР турфирмой «Progressive Tours» и «Интуристом» о поездке 26 школьников и двух учителей по Советскому Союзу. При этом стоит отметить, что для учителя из Кентербери представлялось исключительно важным иметь свободу передвижения и возможность увидеть другую страну своими глазами, а не довольствоваться стандартной программой «Интуриста»: «Мы купили автобус, поскольку, как известно из достоверного источника, это наиболее экономное средство передвижения, благодаря которому мы можем путешествовать. Это также даст нам определенную свободу, в которой нам будет отказано в случае «официального» путешествия, и мы также извлечем пользу в виде целой недели по пути в каждую сторону, путешествуя по Европе»¹³.

16 Наиболее интересной и знаковой для этого периода общественных отношений была другая автобусная экспедиция, организованная «Пушкинским клубом» в Лондоне, кстати, тоже в июле 1960 г. Невероятные приключения англичан в СССР остались исключительно в памяти немногих оставшихся в живых ее участников. Трое из них согласились поделиться своими воспоминаниями с автором статьи. По признанию организатора тура, Ирины Кирилловой, именно Молодежный фестиваль 1957 г. в Москве, в котором она принимала участие в составе британской делегации, вдохновил ее на идею автобусного тура¹⁴.

17 Как писала по свежим воспоминаниям в письме в редакцию «Таймс» 26 августа 1960 г. основательница и руководительница Пушкинского клуба Мария Кульман, «90 членов и друзей Клуба, путешествуя три недели в двух автобусах по просторам России и живя в палатках, имели уникальную возможность самолично познакомиться с жизнью страны и ее культурной традицией. Визит не ставил своей целью всего лишь туристическую экскурсию, он был приключением в поисках патрона Клуба, Пушкина (Club's Patron), великого русского поэта, и следов его продолжающейся жизни в послереволюционной России»¹⁵.

18 Путешествие проходило по маршруту Роттердам—Берлин—Варшава—Минск—Москва—Новгород—Ленинград—Калинин (Тверь)—Москва. Стоимость тура для каждого из членов Пушкинского клуба составляла невероятно низкую сумму для такого сложного маршрута — 50 фунтов с человека!¹⁶ Это достигалось за счет экономии на средствах передвижения (автобус), ночевках в недавно появившихся в СССР организованных кемпингах для автотуристов и очевидной компенсации части затрат из общей кассы Клуба.

19

20 Насколько удалось восстановить социальный состав участников путешествия, все они преимущественно относились к британской интеллигенции, среди них было много преподавателей и переводчиков русского языка, в том числе из университетской среды, представителей эмигрантских кругов первого и второго поколения (например, родители Ирины Кирилловой и она сама), даже один англиканский священник (Джон Иннес). Далеко не все были англосаксами — среди участников была одна девушка с Ямайки (Олив Ааронс) и один британец пакистанского происхождения (Тахир Кан; см. фотографию группы возле автобусов)¹⁷. Насколько удалось установить, по крайней мере, двое участников имели американские паспорта.

21

Группа Пушкинского клуба возле автобусов. Высокий мужчина (второй справа) — британец пакистанского происхождения Тахир Кан. Личный архив Джона Иннеса. 1960 г.

22 Нам, живущим в эру комфортабельных туристических автобусов и развитой туристической индустрии, трудно представить, каково было пионерам этих поездок в маленьких сидячих автобусах в течение трех недель по дорогам СССР. Организационная и бытовая сторона вопроса, несомненно, наложили свой отпечаток на восприятие путешественниками советской действительности. Опрошенные участники — и Джейн Золотухин и Джон Иннес вспоминают «нападение» свирепых комаров во время остановки под Новгородом, в результате которого одну девушку пришлось даже временно госпитализировать. Другая история — состояние общественных уборных на первых советских кемпингах. По воспоминаниям обоих участников, дамы были в шоке от туалета на стоянке по пути в Ленинград и предпочли потерпеть до приезда в город. Воспоминания же главного организатора того путешествия — Ирины Кирилловой — разительно отличаются от восприятия этой же поездки рядовыми ее участниками.

Первые автокемпинги в СССР. 1960 год. Личный архив Джона Иннеса. 1960 г.

24 «О-о-о, это было прямо по Гоголю!», — воскликнула она, стоило лишь автору упомянуть о путешествии 1960 г. Трудности начались с того, что несмотря на имевшиеся договоренности между «Progressive Tours» и Интуристом, а также на официальную переписку с Обществом дружбы СССР—Великобритания, на первом пограничном пункте между Западом и Востоком — в Брест-Литовске — всей группе было заявлено, что их документы не в порядке и им надлежит вернуться в Восточный Берлин. Пока большинство коротало время за шахматами в ожидании у знаменитых Бранденбургских ворот, руководитель группы Ирина Кириллова получала первый опыт кросс-культурной коммуникации с восточногерманскими пограничниками. По ее воспоминаниям, у всех забрали паспорта и приказали явиться в пять утра на следующий день в некое управление в центре Берлина со строгим наказом не опаздывать. Явившись туда в назначенное время, она была вынуждена прождать около четырех часов, после чего ей действительно были выданы паспорта с визами, причем на визах стояло вчерашнее число. В результате, изрядно перенервничав, группа продолжила свое путешествие, но с опозданием ровно на сутки.

25 После этого на каждом запланированном пункте остановки первым делом группе заявляли, что их ждали вчера, а сегодня ни палаток, ни одеял, ни чая и т. п. для них нет. Ирине Кирилловой приходилось показывать характер и демонстрировать незаурядные знания русского языка, чтобы с боем выбивать минимальный набор услуг, положенных путешественникам. В одной из первых, и потому, вероятно, наиболее запомнившихся организационных баталий с неким мужчиной-администратором кемпинга где-то под Минском, произошло необыкновенное превращение. Как рассказала Ирина Кириллова, именно тот факт, что она была воспитана в русской эмиграции в Британии, что ее родители, участвовавшие в этом путешествии, были потомственные дворяне, в какой-то момент поменял ее ролями с администратором¹⁸. Подсознательно она стала разговаривать с ним, как с упрямым приказчиком, и внезапно он, под влиянием ли того факта, что она говорила с ним не на казенном советском, а, как она его сама назвала, «старом, эмигрантском» русском языке, или под влиянием ее напора, спасовал и произнес совершенно немислимую для 1960 г. фразу: «Будет сделано, барышня»¹⁹. После этого все остальные аналогичные трудности по пути их

следования уже представляли собою «бои местного значения». Не столько языковой, сколько ментальный барьер был сломлен.

26 Все опрошенные участники путешествия 1960 г. подтверждают удивительную свободу в своем личном общении с людьми, резко контрастировавшую с периодом до и после «оттепели». В отличие от стандартного требования «Интуриста» ехать с его — интуристовским — гидом, как в случае с индивидуальными автомобильными путешествиями, в автобусах не было никаких представителей советских властей или иных структур. Правда, как пишет Джейн Золотухин, запрещалось сворачивать с главной трассы. На шоссе было множество выбоин, и один раз, в поисках объезда, автобус все-таки свернул на какую-то второстепенную дорогу, и произошла немая встреча как с неба свалившихся англичан и работавших в поле колхозников. У ближайшей деревни им объяснили, что они сбились с пути, и вернули группу на основное шоссе²⁰. Однако наибольший фурор появление иностранцев вызвало в Смоленске. «Это была незабываемая сцена, когда два автобуса въехали в Смоленск и были остановлены на центральной улице, это было как будто мы спустились с луны, — вспоминает Джон Иннес. — Улица наполнилась людьми и русские стали возбужденно выкрикивать вопросы «Кем вы работаете?», «Сколько вы зарабатываете?» и т. д. Узнав, что в группе есть англиканский священник, жители Смоленска тут же простодушно поинтересовались: «Где ваша борода?»».

27

Вид из кабины автобуса Пушкинского клуба. Внизу надпись маршрута: «Лондон— Варшава...Ленинград—Москва». Pushkin House archive (London). Box 6. Vol. 2. 1960 г.

Вид из кабины автобуса Пушкинского клуба. Момент приближения к грузовому автомобилю с советской молодежью. Pushkin House archive (London). Box 6. Vol. 2. 1960 г.

Вид из кабины автобуса Пушкинского клуба. Момент невербального общения с советской молодежью. Pushkin House archive (London). Box 6. Vol. 2. 1960 г.

30 В целом же, как рассказал Джон Иннес, его поразило желание местного населения расспросить англичан о жизни в их стране²¹. При этом подчеркивалось, что знать хотят не из газет, а напрямую от жителей Великобритании. Сравнивая с тем, как формулировали свои вопросы члены Пушкинского клуба, Дж. Иннес отмечал, что они, напротив, строили вопросы, исходя из того представления об СССР, которое давала им британская пресса.

Участник поездки молодой Николас Бер и неизвестный экскурсовод на фоне группы прихожан. Предположительно возле Николо-Морского собора в Ленинграде. Личный архив Джона Иннеса. 1960 г.

32 Джон Иннес и другие опрошенные участники той поездки отмечают удивительную открытость в общении, будь то встречи в кафе или на улице, дискуссии с литераторами в Ленинграде или предложение посетить географический факультет Ленинградского университета. Один студент предложил ему лично провести небольшую экскурсию по географическому факультету и совершенно спокойно провел его в комнату с геологической картой СССР — со всеми обозначениями минералов в виде маленьких драгоценных камней, при том, что никто его об этом специально не просил. Со стороны молодого человека такой порыв был естественным проявлением гордости за страну, за родной факультет. «Разве это не великолепно?», — искренне спросил он своего британского собеседника. Джон Иннес вспомнит, что в тот момент его поразила мысль об общей человеческой природе всех ученых, общности системы образования, свойственной всем людям независимо от их страновой принадлежности. «Встречи были настоящими!», — возбужденно доказывал он автору, когда тот попытался усомниться в способности заезжих гостей прикоснуться к советской реальности²².

33 На вопрос автора, что было главным культурным шоком во время уникального путешествия в СССР, все участники ответили по-разному. Для Джейн Золотухин это были советские уборные, трудности быта. Для Ирины Кирилловой — организационные трудности и более глубинные вещи — заметная невооруженным взглядом тяжелая жизнь советского человека. Для ее родителей, как и многих представителей старой эмиграции, была свойственна, по ее словам, некоторая идеализация советских реалий. Самое печальное впечатление на ее родителей произвел Ленинград — город, переживший революцию и блокаду. Если они и надеялись увидеть хоть что-то от той России, которую они потеряли, то убедились, что от нее не осталось абсолютно ничего. Город еще восстанавливался из руин, а Царское село было в особенно плачевном положении.

34 Иным был «культурный шок» Джона Иннеса. Наибольшее впечатление произвели на него личные встречи и беседы в Троице-Сергиевой Лавре (Загорск, ныне Сергиев Посад). Он

описывает эпизод, когда он захотел отдать в дар библиотеке Лавры привезенные им 40 книг религиозного содержания, включая Библию на английском языке. В приемной он нашел двух монахов — одного старого и одного молодого, последний говорил по-английски. Прием книг происходил в полной тишине. Единственный вопрос был уточнением, передает ли он их в дар. После этой молчаливой процедуры молодой монах разрядил атмосферу, спросив, не желает ли гость осмотреть окрестности. И только когда они вдвоем дошли до трапезной, молодой монах повернулся к нему лицом и объяснил: «Теперь мы можем поговорить. Не очень разумно разговаривать там, где в беседе участвуют более двух человек». Джон Иннес вспоминает, что для него именно прямота и буквальность сказанного этим молодым человеком стали настоящим откровением. «Я вырос в атмосфере Второй мировой войны с ее ограничениями, но это был для меня сильнейший момент “культурного шока”, который стал одним из поворотных в моей жизни», — так прокомментировал он потрясение от этого эпизода²³.

35 Если до поездки большинство ее участников разделяли ходившие на Западе представления о полном запрете на религиозную жизнь в СССР, то за время поездки они увидели конкретные примеры церковной службы, разрешенной при Хрущеве, хоть и в ограниченной форме. Джон Иннес даже рассказывает о том, что, узнав, что он англиканский священник, один монах из Троице-Сергиевой лавры по обычаю расцеловал его в обе щеки как брата, в то время как при попытке завязать общение с другим священником на улице последний ретировался без единого слова.

36 Какой же образ запечатлелся в умах тех, кто имел возможность в течение трех недель колесить по дорогам европейской части СССР? Часть отзывов (с вероятным налетом дипломатического официоза) известна по благодарственным письмам в адрес Общества дружбы СССР—Великобритания²⁴. Другая — по переписке и начавшейся борьбе за образ «России», развернувшийся среди британских интеллектуалов, посетивших СССР в 1960—1961 гг.

37 Как писала Мария Кульман в уже цитированном письме редактору «Таймс», «наиболее сильное впечатление, произведенное визитом на его участников, стала невероятно богатая палитра увиденного, личного опыта, проделанного труда и человеческих отношений, которые были вложены в создание современной России... Огромная помощь и поддержка были получены от Ассоциации СССР—Великобритания и от многих простых советских граждан»²⁵.

38 Возвращение группы совпало с публикацией в 1961 г. в газете «Обзервер» резко антисоветского «Открытого письма Алексею Суркову» известного литературного критика и писателя Джона Вейна после его посещения СССР. Общий пафос публикации сводился к тому, что все позитивное, что говорят об СССР — обычная пропаганда, в СССР нет свободы творчества для писателей и что ничего хорошего во время визита ему увидеть не удалось.

39 На это страстно возразила в своем письме в редакцию «Обзервера» участница поездки «Пушкинского клуба» Катарина Ламперт из Оксфорда. «Очень странно, что писатель с такой силой воображения полностью оплошал при попытке обозреть и понять реальную жизнь в стране (даже если учесть, что он практически не говорит по-русски), — писала она. — Организованное Пушкинским клубом путешествие отчасти было задумано как возможность членам клуба увидеть Россию и русских такими, какие они есть, а не такими, в каких их превращают мифические рассказы... Наиболее коллективистское из всех обществ во все возрастающей степени демонстрирует необычайное разнообразие человеческих настроений и отношений»²⁶.

40 Тонкий и проницательный наблюдатель, Джон Иннес также поведал автору в интервью о том, что, отнюдь не страдая какими-то иллюзиями относительно прелестей жизни в СССР, он был глубоко поражен сравнением ценностной системы и именно человеколюбием

советских граждан. «Что-то тикнуло во мне», — объяснял он автору при личной встрече. Он пришел к выводу о том, что определенные человеческие ценности лучше уцелели в СССР, чем на Западе. У него ушло около месяца после поездки на то, чтобы обратно приспособиться к западной жизни. «Конечно, часть группы стала больше знать о темной стороне жизни в Советском Союзе, но, как бы то ни было, я думаю, что с тех пор я смотрел на жизнь на Западе в несколько ином свете», — отмечал он²⁷.

41 В СССР период «оттепели» породил целое поколение «шестидесятников», сыгравших важную роль в истории страны. Однако, приоткрыв «железный занавес», он породил и определенную прослойку иностранных «туристов-“шестидесятников”», поддерживавших интерес к СССР и бывших в состоянии судить о нем на основании личного опыта. В целом, несмотря на все бытовые неудобства и особенности туристического сервиса в СССР рассматриваемого периода, опрошенные британские туристы (как по линии официальных организаций, так и те, кто ездил по собственной инициативе), а также участники образовательных обменов отмечали больше положительного, нежели негативного в своем опыте соприкосновения с советской реальностью. Образ СССР больше выигрывал от открытия, нежели чем от закрытия страны.

42 Конечно, трудно точно оценить количество таких контактов (отчасти картину дает статистика Совета по образовательным обменам), но оно было несопоставимо с началом 1950-х годов, когда СССР был фактически закрытой страной.

43 Если бы не открытие «железного занавеса» в период «оттепели», то не было бы целой плеяды активистов и энтузиастов развития российско-британских отношений в современной Британии. Причем, как показывает опыт этих контактов, важна была не массовость, а целеустремленность, желание впитать в себя и обогатиться другой культурой, изначальный интерес и упорство в борьбе с бюрократическими препонами, языковым барьером, бытовыми трудностями. Возможно, что все это придавало посещению СССР даже некоторый ореол экзотики, что приводило порою даже к своеобразной «советомании» у некоторых из участников культурной дипломатии той поры.

44 Автор выражает благодарность за помощь в поиске архивных и устных свидетельств руководству и членам правления Пушкинского дома (Лондон), в особенности директору Джулиану Галанту (Julian Gallant) и заместителю директора Дженни Левитан (Jenny Levitan), а также Ирине Арсеньевне Кирилловой (Irina Kirillova), Джону Корселису (John Corselis), Джону Иннесу (John Innes), Джейн Золотухиной (Jane Zolotuhin), Кэтрин Хантер-Блэр-Стидуорти (Katherine Stidworthy), Ричарду Куку (Richard Cook).

Remarks:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9576-Р. Оп. 7. Д. 39. Л. 142—144.

2. К примеру, крупная международная конференция Алексантери института в Хельсинки в 2009 г. *Cold War Interactions Reconsidered*, на которой было представлено 200 докладов из разных стран. Избранные материалы были опубликованы в виде сборника: Autio-Sarasmo, Sari and Humphreys, Brendan (Eds.) *Winter Kept Us Warm. Cold War Interactions Reconsidered*. Helsinki, 2010. Одна из последних коллективных работ на эту тему финской школы историков холодной войны — Mikkonen, Simo and Koivunen, Pia (Eds.) *Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe*. New York, Oxford, 2015.

3. См. например: Робертс Дж. Говорите прямо в канделябр. Культурные связи между Британией и Россией в 1973—2000 гг. М., 2001.

4. Следует оговориться, что до конца 1940-х гг. «Общество культурных связей» имело гораздо более широкую общественную базу и независимую позицию, нежели в последующие десятилетия. О первых послевоенных годах и кризисе организации см. статью Эмили Лиго в данном выпуске журнала.

5. Современное название организации — Пушкинский Дом (Pushkin House, London).

6. Подробнее см. Хантер-Блэр-Стидуорти К. Пушкинский Клуб, Пушкинский Дом // Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 77—100.
7. См. подробнее: Капитонова Н. К. Визит Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Великобританию в 1956 г.: (По архивам Президента РФ и МИД РФ) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 112—136.
8. Джон Корселлис (секретарь Ассоциации «Великобритания—СССР» в 1958—1960 гг., член Комитета «Восток—Запад» при Обществе друзей британских квакеров) прямо указывал на огромное значение визита 1956 г. для размораживания контактов между британцами и советскими гражданами (Интервью автора с Джоном Корселлисом 25.11.2010 г.); Ирина Арсеньевна Кириллова (профессор русского языка и литературы Кембриджского университета) подчеркивала символическое значение первых гастролей Большого театра в Лондоне в 1956 г. и последовавших в 1958 г. гастролей МХАТ (Интервью автора с Ириной Кирилловой 25.11.2010 г.)
9. О перипетиях официальных взаимоотношений между Москвой и Лондоном в указанный период см.: Липкин М. А. Советско-британские отношения в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов в Европе (1956—1973 гг.) // Россия и Британия. М., 2010. Вып. 5. С. 317—340.
10. Интервью автора с Дж. Корселлисом 25.11.2010 г.
11. См. подробнее: Кук Р. Дж. Встреча с писателями // Знамя. 1994. № 12. С. 159—161.
12. ГАРФ. Ф. 9576. Оп. 7. Д. 72. Л. 484. Оригинал на англ. языке. Перевод автора.
13. Там же.
14. Интервью автора с Ириной Кирилловой. 25.11.2010 г.
15. ГАРФ. Ф. 9576-р. Оп.7. Д. 71. Оригинал на английском языке. Перевод автора.
16. Интервью автора с Джоном Иннесом. 24.11.2010 г.
17. Jane Zolotuhin. Pushkin Club trip to Russia 1960. Письменные воспоминания, составленные по просьбе автора статьи. Получено по электронной почте 20.08.2009 г. В 1960 г. Джейн Батлер (фамилия в девичестве) была секретарем Пушкинского клуба.
18. Подробнее об И. Кирилловой см. Бульчук И. Переводчик королевской семьи о русской культуре, Достоевском и митрополите Антонии. Беседа с профессором Ириной Кирилловой // Православие.Ru. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravoslavie.ru/68939.html> (дата обращения: 10.11.2015).
19. Интервью автора с Ириной Кирилловой 25.11.2010 г.; в интервью Джона Иннеса автору 24.11.2010 г., он рассказал ходившую среди участников тура историю о том, что будто бы кто-то из женщин — бывших эмигрантов — сумела пробраться в свое бывшее имение и там была радостно встречена кем-то из бывшей прислуги, якобы узнавшей и приветствовавшей ее. Думается, это вольная интерпретация истории с Ириной Кирилловой, так как она всячески отрицает возможность такого эпизода и в интервью говорила о том, что среди группы было не так уж и много русских эмигрантов.
20. Jane Zolotuhin. Pushkin Club trip to Russia, 1960.
21. О похожем живом интересе к волею судеб оказавшемуся в СССР в 1961 г. «живому англичанину» писал и представитель совсем другой профессии — ветеринар (прославившийся в дальнейшем как писатель) Джеймс Хэрриот // Хэрриот Дж. И всех их создал Бог. М.: Армада, 1998 (первое русское издание вышло под названием «И все они — создания Природы». М.: Мир, 1989). С. 186—189. Автор выражает благодарность О. В. Окуновой за эту информацию.
22. Интервью с Джоном Иннесом 24.11.2010 г.
23. John Innes. Pushkin Club visit to Russia 1960. Part 1. 08.08.2010; интервью с Джоном Иннесом 24.11.2010 г.
24. ГАРФ. Ф. 9576-р. Оп. 7. Д. 71. Л. 38.
25. ГАРФ. Ф. 9576-р. Оп. 7. Д. 71. Л. 39.
26. ГАРФ. Ф. 9576-р. Оп. 7. Д. 71. Л. 40.
27. Интервью автора с Дж. Иннесом 24.11.2010 г.
-

Советско-британские интеллектуальные и культурные контакты в период «культурной разрядки»: конец 1950-х — начало 1960-х гг.

Липкин М. А.

Аннотация

В статье впервые на основе неизвестных материалов частных британских архивов, в том числе уникального иллюстративного материала, устных интервью, взятых автором, и документов из фонда Союза Советских обществ дружбы предпринимается попытка реконструировать атмосферу советско-британского культурного сближения и взаимного интереса в период «оттепели» в СССР. Анализируется феномен публичной дипломатии на примере отдельных частных и общественных инициатив, а также деятельности различных обществ дружбы. Особое внимание посвящено изучению свидетельств участников двухнедельного автобусного тура «Пушкинского клуба» по европейской части СССР в 1960 г. В статье делается вывод о том, что открытие «железного занавеса» Н. С. Хрущевым привело к появлению целого поколения культурных «туристов» — проводников культуры нашей страны, которые в дальнейшем поддерживали интерес к СССР и были в состоянии судить о нем на основании личного опыта.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Британия, транснациональная история, культурные связи, общества дружбы, культура, публичная дипломатия, взаимодействия, холодная война, туризм, Пушкинский клуб, Гарольд Макмиллан, Никита Хрущев, Николай Булганин

Дата публикации: 25.12.2015

Ссылка для цитирования:

Липкин М. А. Советско-британские интеллектуальные и культурные контакты в период «культурной разрядки»: конец 1950-х — начало 1960-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 10 (43) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840001328-9-1/> (дата обращения: 04.12.2020).